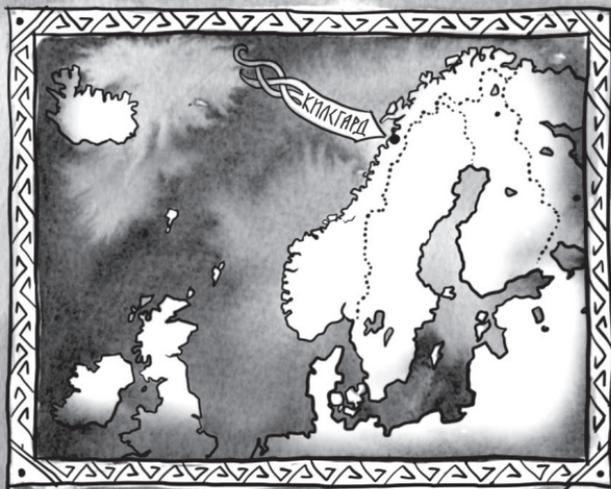

КИЛКГАРД

К СЕВЕРНОЙ
АНГЛИИ

В ПОИСКАХ ВЕЛИКОГО СОКРОВИЩА

Альва бежала. Бежала так быстро, что ветер свистел в ее ушах, а ярко-рыжие косы хлестали по лицу. Незаметная и неутомимая, как волк. Великаний Палец, самая высокая гора в окрестностях Килсгарда, грозил небу, вздымаясь над морем тумана. Слева ревела между отвесных утесов черная река. Альва была быстрее реки. Быстрее ветра. Но один неверный шаг — и ее не станет, вода и ветер поглотят ее. Надо смотреть под ноги. Нельзя оступиться.

Башмаки застучали по лесной подстилке, и острые ветки до крови оцарапали ее голые икры. Пускай, ей не до того! Сейчас надо проявить тайное чутье девы-воительницы: видеть все, быть готовой ко всему. Ручной волк

Альвы, Фенрир, бежал впереди, то мелькая среди деревьев, то растворяясь в тени. Его лапы ступали беззвучно, мех серебром вспыхивал в лунном свете. Фенрир взял след. Он ведет Альву туда, куда ей нужно попасть.

Но когда она перемахнула через камень и ветку и кожаные подошвы почти коснулись земли, лес вдруг протянул свою корявую руку. Альва споткнулась о корень, и время замедлилось. Край обрыва накренился, надвинулся на нее, заслонил собой все. Рев воды сделался оглушительным, сердце отчаянно заколотилось в груди. Черная пасть реки распахнулась ей навстречу, черный Великаний Палец устремился вверх, а она полетела вниз...

Глухой удар. Еще один. И еще.

Альва резко села на соломенном тюфяке. Она не падает. Она дома. Холодный пот липкой пеленой покрывал тело. Огонь в очаге почти догорел, но в его багряных отсветах было видно: обитатели дома заворочались. Их разбудил громкий стук в дверь.

— Торovy кости! — выругался дядя Магнус.

Ивар, брат Альвы, проснулся и захныкал, и Брианна, их мать, прижала малыша к себе, чтобы успокоить.

— Во имя всех богов, что вам нужно? — взревел Магнус, накидывая на голые плечи шерстяной плащ.

В тусклом свете Альва видела шрамы на его спине — следы минувших битв. Она поспешно отвела взгляд и прильнула к матери. Брианна обхватила ее длинными бледными руками.

— Магнус! — донесся низкий голос из-за толстых досок двери. — Тут в медовом зале неслыханное дело творится! Ярл Эрик сказал, ты нам нужен.

— Который час? — отозвался Магнус. Он распахнул дверь — за ней оказались двое дружинников с мечами. — И почему вы явились ко мне на порог с оружием в руках?

— Ты уж прости, ночь выдалась опасная. В зале тебе расскажут больше. Полночь давно миновала, но и до утра еще далеко.

Один из воинов, молодой, однако уже успевший отрастить бороду, заглянул в дом и увидел Альву, Брианну и Ивара, сгрудившихся в глубине.

— Простите, что разбудили вас. Нам просто нужен Магнус, а вам не о чем беспокоиться. Спите себе дальше.

Альва все еще не опомнилась после дурного сна и оцетинилась на вооруженного воина, который нарушил покой ее дома. Она теснее прижалась к матери и натянула на себя одеяла.

На лицах незваных гостей читалась неподдельная тревога, поэтому Магнус стал надевать сапоги.

— Я возьму с собой ворона, — сказал он. — Он может пригодиться.

Он взял птицу с насеста и ласково усадил себе на плечо. Храф, его ручной ворон, встопорщил перья и сонно каркнул. Альва невольно позавидовала птице. Невзирая на мрак и холод, ей хотелось отправиться с дядей к ярлу и узнать, что же происходит.

— Вставать пока рано, — сказал Магнус, повернувшись к ним троим. — Вам надо еще немного поспать, а то наш шельмец Ивар снова запросит завтракать ни свет ни заря. — А потом, словно прочитав мысли Альвы, он поймал ее взгляд и добавил: «Спите, все трое».

И, ворча на дружинников, дядя ушел и захлопнул за собой дверь. Он удалялся, и голос его звучал все тише.

— Магнус прав, — сказала мать. Она крепко обняла дочь и уложила ее обратно на тюфяк. — Нам надо поспать. Завтра у меня к тебе будет несколько важных поручений, придется побегать. А нам еще и этого малыша развлекать. — Она махнула рукой на копну рыжих волос Ивара. Брат Альвы уже снова уснул, и Брианна свернулась калачиком вокруг него.

Семейство успокоилось, и вскоре Брианна уже сладко посапывала в одном ритме с дыханием Ивара. Но у Альвы сна не было ни в одном глазу. Кошмар по-прежнему крутился у нее перед глазами, и сердце никак не хотело утихомириваться. Неужели она видела во сне свою смерть? Возможно, это боги предостерегают ее. Она лежала неподвижно, закрыв глаза, и воображала: вот она, точно ворон, скользит в небе над Килсгардом, заглядывает в дымоход зала, а там дядя беседует с ярлом.

По лицам дружинников было видно, что вести недобрые. Что-то плохое творится в Килсгарде. Альва принялась перебирать в голове, что бы это могло быть. Может, на них напали? Может, с ярлом какая беда? Может, дурное знамение от богов? Не надо бы давать волю любопытству, но так хочется по-

слушать, о чем говорят там, в медовом зале. Мать рассердится, если проснется и увидит, что Альвы нет, но что уж поделаешь, придется рискнуть. Надо идти за Магнусом. И разобраться, что происходит. Ведь таково ее призвание — разбирать загадочные происшествия.

Она села на постели, и солома в тюфяке зашуршала. Альва затаила дыхание, но мать и брат не проснулись. Тогда она сняла с крюка плащ, завернулась в него поплотнее, и сунула ноги в башмаки. Девочка неслышно прошла по комнате, не наступая на скрипучие половицы, и заглянула под стол. Там на расстеленном одеяле дрых Фенрир.

Наклонившись так, что едва не ткнулась носом в его черный нос, Альва шепнула:

— Фен!

Волчьи глаза — синие, как море, с черными кругами зрачков, распахнулись и уставились на нее. Узнав хозяйку, Фенрир радостно застучал хвостом по полу.

— Тсс! — шикнула она, прижимая хвост руками, чтобы не шумел. — Иди за мной, глупый ты волк.

Альва встала, и Фенрир последовал за ней, тихо ступая по устилавшему пол камышу.

Когда Альва с трудом открыла тяжелую дверь, та жалобно и пронзительно скрипнула. Затаив дыхание, девочка обернулась — проснулись ли родные? Брат молча

таращился на нее из-под золотистых волос матери, упавших ему на лицо.

— Спи, Ивар, — шепнула Альва через всю комнату.

Мгновение он смотрел на нее, потом закрыл глаза. Альва шмыгнула наружу. Тревога ледяными струями текла по ее жилам. Ночь выдалась морозная, и Фенрир сердито фыркнул, показывая, что и ему не по душе покидать дом в такой холод.

— Идем, Фен, — сказала Альва и быстро зашагала в сторону длинного дома.

В темноте дома стояли, почти неразличимые, освещенные лишь серебристой половинкой луны. Но Альва этот путь прошла бы и с закрытыми глазами. Она жила здесь всю жизнь, знала каждого человека, каждую тропку в родном городище и всё, что происходило в пределах его стен. И она решила, что этим знанием будет зарабатывать себе на хлеб. Пропала ли у кого-то курица, сломался ли забор, поспорили ли соседи из-за денег, обмениваются ли влюбленные тайными посланиями — все было известно Альве.

Страсть к изысканиям пробудил в ней дядя. Магнус много путешествовал по свету и за свои сорок зим скопил немало знаний. Ему было ведомо всё обо всём. До истины он докапывался столь же легко, как мышь добивается до ядрышка ореха. Но кое в чем Альве удалось превзойти дядю — о Килсгарде

и о том, что происходит в нем, она знала больше. Она умела подкрадываться незамеченной, прятаться за заборами, подглядывать в щелки. Она знала людей городища как облупленных. И поэтому просто необходимо выяснить, что творится в медовом зале. А как же иначе?

Медовый зал, городище и его жители составляли весь мир Альвы, и она верила, что места лучше не придумаешь. Килсгард стоял на берегу бухты, и, когда воины готовились к дальним походам за море, в ней умещались аж двадцать кораблей. Хижины были удобные и даже в самые суровые зимы хранили тепло. Во дворах кудахтали куры, хрюкали свиньи, блеяли овцы. За одним двором тут же начинался другой, так что, если Альве приходила охота отправиться с друзьями поиграть в лес, она бежала к ним напрямик, перепрыгивая через заборы. Доищешься ты приключений на свою голову, — говорили ей. И добавляли: не будут норны защищать тебя вечно.

Но сейчас все жители спали, и свет теплился лишь в окнах длинного дома, где располагался медовый зал. Дом звался Мегинсалр и принадлежал ярлу Эрику. Эрик вел свой род от основателей городища, а те — от самого бога Одина. Его очаг был главным в Килсгарде.

И в этот темный ночной час в Мегинсалре бурлила жизнь.

Подобравшись ближе, Альва услышала голос дяди, разносившийся под сводом медового зала. Она тихонько прижалась к двери ухом. Слышно было отчетливо, и она вдруг поняла, что внутри, в зале, собрались все дружинники. Это не к добру. Что-то и впрямь стряслось, раз все городище подняли на ноги!

— Да что ты такое говоришь, Эрик! — прорычал Магнус. — История больно странная, одно с другим не сходится. Если хочешь, чтобы я разобрался, мне надо знать всё как есть. Пусть дружинники сядут на скамьи и чужак сам расскажет, что произошло нынче ночью. Язык его мне знаком.

Альва с трудом расслышала чужеземную речь сквозь гвалт, стоявший в зале. Голос говорящего был полон тревоги.

— Он знай себе бормочет, будто каши в рот набрал, — сказал кто-то из дружины. — Ни слова не разберешь.

— Он говорит на языке народа, живущего за морем, — объяснил Магнус. — Народ этот зовет себя англами, а землю свою — землей англов, Англией. В странствиях я выучил немало слов из их наречия. Я пойму, что он говорит, и перескажу вам по-нашему. Только сидите тихо, ибо чужак напуган, а мне надо сообразить, что к чему в его истории.

Заскрипели доски — это дружинники рассаживались на скамьях. Сердце у Альвы забилося чаще: вот-вот чужак заговорит на языке англов.

Снова раздался голос Магнуса:

— Пусть монах выйдет вперед.

Кто-то тут же спросил:

— Что еще за «монах» такой?

Магнус рассердился:

— Говорю вам: хватит перебивать. Монах — вот он, перед вами. Вон он как одет и пострижен, разве не видно?

Альва могла лишь сетовать на судьбу за то, что толстые доски двери не позволяют ей разглядеть удивительного чужеземца, явившегося из-за моря.

Магнус меж тем продолжал:

— В Англии почитают не многих богов, а лишь одного. Жрецов у них нет, а есть люди, зовущиеся священниками, они говорят с народом о боге. И еще у них есть люди, которые запираются в святилищах и там молятся целыми днями. Такие люди зовутся «монахи», и это — один из них. А теперь молчите, пусть он говорит.

И незнакомый голос заговорил, тихо и испуганно. Альва напряженно вслушивалась. Слова очень походили на слова ее родного языка, только были длиннее и звучали более округло и мягко. Словно взяли язык ее

народа и сгладили все острые грани. Магнус переводил слова монаха для всех в зале.

— Чужеземец говорит, что имя его Эдмунд, он из обители — это такое место, где живут монахи, — Линдисфарн, что в королевстве Нортумбрия на берегу Северного моря. Он стал монахом этой обители еще мальчишкой всего восьми зим отроду и провел в ее стенах пятнадцать лет.

Альва слышала об острове Линдисфарн. Отец и дядя рассказывали ей о нем. По спине у нее пробежали мурашки.

Один из дружинников крикнул:

— Линдисфарн? Этот жалкий островок у северных берегов Англии? Помню, как мы туда плавали. Надеялись захватить большую добычу, да не тут-то было. А у тамошних людишек сил не хватило защитить свою землю. Выходит, он — из этих хлюпиков? Так зачем нам его слушать?

Магнус свирепо осадил наглеца:

— Ну почему вы, викинги, внимаете лишь собственным голосам? Этот человек пришел с нашей горы, и его история как-то связана с нашим городищем. Надо дать ему рассказать всё до конца. — Он снова обратился к монаху и стал переводить. — Он говорит, что проделал долгий и трудный путь до Килсгарда, потому что ищет «сокровище, которому нет равных». Он отправился в путь со своим земляком, воином по имени

Виглаф Бамбургский. Вели их знаки на таинственном костяном ларце, который они, как он сказал, «обрели» в своих странствиях в дальних землях.

Фенрир у ног Альвы тихо фыркнул. Она шикнула на волка и еще крепче прижалась ухом к холодным доскам. Ей не терпелось узнать, что же это за загадочный ларец.

— По словам монаха, ларец был покрыт письменами, которые они со спутником силились разгадать. А заполучили они эту вещь у пьяницы родом из Килсгарда. У того малого язык был без костей. Он-то и сказал им, что руны на ларце приведут их к утраченным сокровищам Линдисфарна. Они добрались сюда, но куда идти дальше, не знали, потому что не смогли разгадать последние знаки на ларце.

— Бред сивой кобылы! — крикнул вдруг еще кто-то из дружины. — Загадочный ларец из дальних земель ведет к сокровищам в наших краях? Мы все знаем, что за сокровища хранятся в Килсгарде, мы ведь почти всё, что берем в походах, приносим сюда, в дом ярла. Кто этот пьяница из наших краев, и с чего вдруг монах с приятелем отправились в такой долгий путь из-за каких-то там рун?

— Я пока не знаю всех ответов, Олаф. — В голосе Магнуса прозвучала досада, и Альва насторожилась. Она-то знала по опыту: нельзя ни о чем спрашивать дядю,

пока он не разберется в деле. — И, если меня будут и дальше перебивать, мы никогда не доберемся до сути загадки.

Он снова обратился к монаху, и тот продолжил свой рассказ.

— Он говорит, что они с Виглафом за ночевали на поляне на склоне Великаньего Пальца, и, когда они спали, кто-то напал на них. Монах видел, как человек в плаще огрел его товарища по голове, взвалил бесчувственное тело на лошадь и был таков. Напуганный и одинокий, он явился на порог к нам, своим врагам, в надежде спасти друга. Монах говорит от чистого сердца, — закончил Магнус, и Альва передернулась, когда голоса дяди и чужеземца умолкли.

Вот это история! Таинственный ларец и письма, смысл которых нужно разгадать! Странники, явившиеся из-за моря в поисках утраченного сокровища! Одинокий лиходей, похищающий людей на горе! Сколько раз Альва рисовала подобные загадки в своем воображении, и вот теперь все происходит на самом деле! От ужаса пополам с восторгом она слегка задрожала всем телом.

В зале раздался новый голос:

— А нам-то что за дело до этого монаха?

Магнус ответил гневно:

— Неужели ты не понимаешь, как это важно? На нашей горе пропал человек. На него напали и увезли прочь. Это значит, что

в окрестностях Килсгарда рыщет похититель и, возможно, убийца. Мы должны защитить людей, а для этого придется распутать всю историю.

«Ха! — подумала Альва. — Я, вот кто нужен, чтобы распутать эту историю! Магнусу точно не обойтись без моей помощи».

А тем временем за дубовой дверью Магнус заговорил снова:

— Ярл Эрик, мы должны принять этого монаха как гостя в твоём доме. Он очень храбрый человек, если смог явиться к нам среди ночи после того, как мы напали на его родину. Надо поселить его в безопасности вне стен этого дома, ведь он не захочет спать вместе с твоей дружиной.

В ответ слышался знакомый и доброжелательный голос ярла Эрика.

— Магнус, никто лучше тебя не разъяснит столь запутанное дело. Возьми двоих из моих людей и отправляйтесь туда, где напали на монаха. Там, на месте, ты и проверишь, правдив ли его рассказ.

По рядам дружинников пошел ропот. Альва понимала: им не по душе, что ярл опять выказал Магнусу особое благоволение.

Потом стали обсуждать, где поселить чужака, распространяются ли на него законы гостеприимства и кто отправится с Магнусом. Альва отошла от двери и быстро пере-

брала в голове всё, что узнала. Конечно, ей следовало бы тихонько пойти домой и лечь спать. Брианна очень устала, потому что эльфы наслали на Ивара хворь и последние несколько ночей он кричал от боли. Альва понимала, что должна вернуться, чтобы утром быть готовой помочь маме. Но тут она увидела дорожный плащ монаха, оставшийся лежать у двери, и в ней созрело решение. Искушение разгадать тайну было слишком велико, чтобы она могла устоять.

Она поможет дяде разобраться в истории монаха. Магнус слишком много говорит, слишком долго обсуждает подробности, слишком волнуется за чужеземца. Надо действовать быстро, пока не остыл след. Ведь он сам так ее учил! Альва схватила плащ и сунула его под нос Фенриру.

— Ищи! — прошептала она, и серебристый волк тут же устремился по следу.

След вывел их прочь из города. Ворота стояли без охраны, поскольку все дружинники собрались в зале, когда пришел чужеземец. За воротами начиналась длинная дорога, идущая вдоль реки. Через несколько сотен шагов она разветвлялась: одна тропа вводила от развилки на север, а другая вилась вверх по склону Великаньего Пальца.

В лунном свете гора казалась задумчивой и притихшей. Альва знала ее настроения наперечет. Она проводила здесь, среди валунов